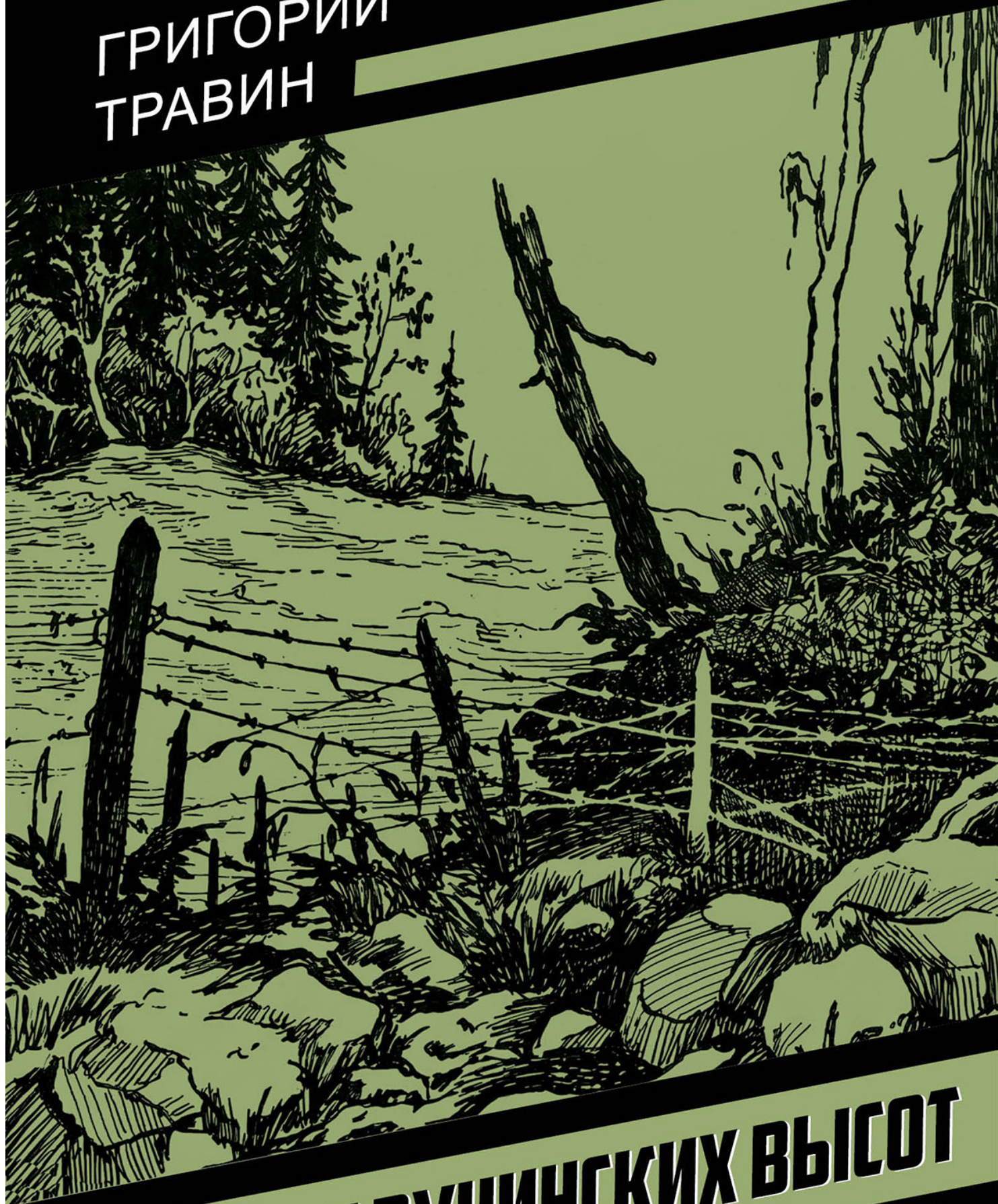

ГРИГОРИЙ
ТРАВИН

ТАЙНЫ ТАРУНИНСКИХ ВЫСОТ
**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Григорий Травин

Тайны Тарунинских высот

«Алисторус»

1956

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Травин Г. С.

Тайны Тарунинских высот / Г. С. Травин — «Алисторус»,
1956 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-613-0

В годы Великой Отечественной писатель Григорий Степанович Травин служил в артиллерии, потом был военкором на Ленинградском фронте, а закончил войну в Восточной Померании. Он писал о том, что видел своими глазами и знал досконально. Тарунинские высоты под Ленинградом долго считались неприступными для Красной Армии. Полковнику Буранову поручено разгадать тайну этого пятачка, найти к ней ключ... Как прорвать железное кольцо? Завязывается секретная операция... Повесть «Снайпер» повествует о приключениях ворошиловского стрелка Васи Волгина, воевавшего на Ленинградском фронте, которому удалось выиграть дуэль у опытного немецкого снайпера Пауля Шперлинга. Читайте классику жанра военных приключений!

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-613-0

© Травин Г. С., 1956
© Алисторус, 1956

Содержание

Тайны Таруниных высот	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	26
Глава V	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Григорий Степанович Травин

Тайны Таруниных высот

© ООО «Издательство Родина», 2026

Тайны Таруниных высот

Глава I Неприступные позиции

Наблюдательный пункт артиллерийского полка помещался в блиндаже, врытом в высокую железнодорожную насыпь. Давно уже здесь не ходили поезда, и ржавые рельсы заросли травой, которая к концу лета тоже будто покрылась ржавчиной. Эта дорога была перерезана врагом, блокировавшим Ленинград. Железнодорожная линия хорошо просматривалась с высот, занимаемых противником, была им пристреляна, и время от времени немецкая артиллерия производила по ней огневые налеты. Во многих местах насыпь была разворочена, из песчаных бугров и ям, как переломленные ребра, торчали концы рельсов. А если снаряды давали недолет или перелет, вздымались высокие фонтаны грязи, которые оседали вниз черным дождем и комями земли. Воронки быстро наполнялись мутной, пенистой водой. Иногда снаряд не разрывался, уходя в трясину, болото засасывало его и хоронило в своих глубинах.

На болотной равнине под Ленинградом советские войска делали невозможное с точки зрения шаблонной военной тактики. Уже третий год они успешно оборонялись, занимая, казалось, непригодные для обороны позиции на топкой голой низменности. С господствующих высот гитлеровцы могли видеть чуть ли не каждого русского солдата.

Глядя на карту, и сами командиры наши дивились:

– Невероятная обстановка! На местности еще не так заметно, а на карте совершенно неправдоподобно.

Невоенному человеку показалось бы как раз наоборот: на карте все ладно – с обеих сторон одинаково ошетинились линии переднего края, а на местности он понял бы, что немцы, например, из Пушкина, могут заглядывать вглубь нашей обороны вплоть до окраин Ленинграда.

Рассматривая карту с нанесенными на нее условными знаками траншей и ходов сообщения, батарей, командных и наблюдательных пунктов или же глядя в бинокль на высоты, занятые противником, все советские воины – солдаты и офицеры – думали, мечтали и говорили об одном и том же: хорошо бы сбросить гитлеровцев хотя бы с ближайших холмов и гряд. Лиха беда – начало, а там уж дело пойдет! Но слишком силен еще был враг. Стальными зубами и когтями вцепился он в русскую землю, и одолеть его было очень трудно. В Кремле не мечтали, а мудро рассчитывали, как это сделать: в те дни уже подготавливался первый из десяти стратегических ударов тысяча девятьсот сорок четвертого года... Артиллерийский разведчик Клюев, дежуривший на наблюдательном пункте у стереотрубы, иногда жалел, что он не снайпер и что стрелять из винтовки с наблюдательного пункта не разрешается. Это случалось всякий раз, как он видел немца. Впрочем, враги были очень осторожны и обнаруживали себя редко: рубеж казался безжизненным, необитаемым. Очень надоело наблюдать все одно и то же: кажется, с незапамятных времен торчит перед глазами бугор, изрытый окопами и воронками. Давно высмотрены все огневые точки противника, пушечные и пулеметные доты и дзоты, и очень редко удастся заметить что-нибудь новенькое. Не удивительно, что даже лицо молодого разведчика, лихого парня, ухажера и плясуна, потускнело от скуки, и в лукавых глазах застыла тоска. Клюев зевнул и, отвернувшись от стереотрубы, поглядел на сидящего внизу телефониста. Этому белобрысому пареньку было все же веселее: проверяя линию, он перекидывался шутками то с тем, то с другим связистом, хоть за такие разговоры и могло достаться от начальства.

– Закурим, что ли? – предложил разведчик.

– Давай, давай! – обрадовался телефонист, любовно глядя на кисет Клюева. Кисет был искусно расшит руками какой-то ленинградской девушки, но телефониста интересовало содержимое: свой табак он выкурил за ночь. Однако ему не повезло. Клюев сунул кисет обратно в карман, так как услышал, что ходом сообщения идут офицеры. Он определил это по звуку шагов: солдат топает шибче, чем офицер, – солдатские сапоги тяжелей. Ухо не обмануло разведчика: в блиндаж вошли два офицера. Один – свой, другой незнакомый. Свой был начальник разведки старший лейтенант Рябоконь, а незнакомец – какой-то полковник среднего роста с простым русским лицом. Если бы он отпустил усы и бородку, то был бы вылитый витязь, каких рисуют иллюстраторы сказок и былин. В овале такого славянского лица удивительно сливаются твердость и мягкость, волевые углы губ и подбородка и округлость чуть впалых щек и гладкого лба. Смотреть на такое лицо каждому любо, хоть нет в нем классической правильности: нос, например, с седловинкой и даже с ямкой на кончике, глаза какого-то неопределенного цвета, а брови малозаметны, словно бы солнцем спалены... Рябоконь был, пожалуй, красивее – черно-волосый и чернобровый, но не радуют такие хмурые лица, с глубокими складками у губ и мрачноватыми глазами. Сейчас, впрочем, старший лейтенант необычно просветлел, что не укрылось от глаз разведчика. «Как на параде», – подумалось ему. Молодой офицер почтительно смотрел на полковника. «Как на генерала», – определил разведчик. А полковник держал себя очень просто. Войдя в блиндаж, он окинул его веселым, быстрым взглядом: видимо, наблюдательный пункт был для него местом хорошо знакомым, родным. «Наш! – решил Клюев. – Старый артиллерист».

Старым артиллеристом можно назвать человека и в тридцать лет, полковнику же было около сорока. Но когда он улыбался, казался вдвое моложе. А улыбался он часто и охотно, не в пример Рябоконю.

– Здорово, орлы! – сказал полковник глуховатым, но приятным голосом. Солдаты ответили дружно: им понравился этот незнакомый офицер с таким открытым, добродушным лицом. Однако начальство есть начальство: разведчик сейчас же приник к своей стереотрубе, а телефонист стал усердно проверять линию.

– Как дела, Клюев? – спросил Рябоконь. – Доложите обстановку.

– Все спокойно, товарищ старший лейтенант, – отрапортовал разведчик. – Никакого движения у противника не наблюдается. – И, повернувшись опять к стереотрубе, он добавил уже другим, неофициальным тоном, будто с трубой своей разговаривал: – Притаились, гады! Ровно и нету там ни души. С самого утра хоть бы один показался! В журнал записать нечего.

Он имел в виду «Журнал разведки», в который дежурящий на наблюдательном пункте должен записывать все, что заметит у противника. В журнале этом наряду с записями немалой ценности появлялись и курьезные. Один молодой разведчик записал:

«В 13.00 в районе ориентира № 15 вдоль немецких окопов бегала собака неизвестного происхождения и неопределенной породы. Фрицы открыли по четвероногому ружейный огонь. Собака залегла. Наша пехота пустила во вражеское расположение две мины. Под прикрытием минометного огня собака без потерь отошла на нашу сторону».

Над этой записью потешались несколько дней.

Сейчас старший лейтенант не интересовался журналом. Он сказал разведчику:

– Освободите место у прибора. Товарищ полковник желает взглянуть на Тарунинские высоты.

– Да какие ж это высоты! – посетовал, уступая место, разведчик. – Одно название. Глядеть не на что!

– А вы что, Казбек хотели бы иметь перед собой? – улыбнулся полковник, усаживаясь на дощатое сиденье у стереотрубы.

Видимость была хорошая.

На первом плане тянулась бурая полоса стрелковых окопов, траншей, всяческих щелей и укрытий, где затаилась невидимая пехота. Все это было густо опутано ржавой колючей проволокой, между которой вырос бурьян. Проволока походила на бурьян, а бурьян походил на проволоку: все покрывали пыль, гарь и копоть от разрывов снарядов и мин.

Передний край обороны – так называлась эта полоса, куда больше всего сыпалось стали и тротила и где все-таки прочно сидели в земле, как гвозди, вбитые в стену, люди в круглых касках. И никакая сила не могла выдернуть эти гвозди: не могли немцы, как ни старались, хоть бы на сто метров сдвинуть русскую черту.

Все это было очень хорошо знакомо полковнику, смотреть сюда было незачем. Но его внимание привлек вынырнувший откуда-то из-под земли солдат. Маленькая фигурка в бурой, под цвет окружающему, одежде не спеша двигалась вдоль окопа, будто шел человек по мирному проселку или по деревенской улице. Не очень далеко от него вздыбилась земля, со всех сторон начали вырастать черные кусты разрывов, а он шел, даже не нагибаясь.

– Вот леший! – с досадой и невольным восхищением воскликнул полковник, любивший храбрых людей. – До чего же привык солдат к снарядам! В гости к соседу, небось, идет. Закурить на пару...

– Бродят стрелочки! – сказал старший лейтенант, догадываясь, что увидел полковник. – Достается за это от начальства, а им все нипочем. Разгуливают, как по Невскому...

– На Невском бывает и опаснее, – возразил полковник. – А ленинградцев во время артиллерийского обстрела загнать в убежище тоже нелегко.

Это он хорошо знал из собственного опыта. Когда в прошлом году он приехал всего на один день в Ленинград и, как во сне, очутился вдруг в своей квартире, начался артиллерийский обстрел города, по радио объявили тревогу. Он только-только успел поцеловать жену и сынишку и ни на секунду не хотел расставаться с ними, но все же скомандовал:

– В укрытие! Где у вас здесь бомбоубежище?

– Под домом, – отвечала Мария Николаевна. – Только я туда не хожу. Надоело бегать вверх да вниз. (Квартира Бурановых была на пятом этаже, а лифт в те дни, конечно, не работал.)

Ксенофонт Ильич стал доказывать жене, что она не имеет права оставаться в квартире, подвергая опасности не только себя, но и ребенка. Мария Николаевна уверяла, что опасности никакой нет, а если и есть, так не больше, чем внизу, в подвале. Еще вопрос, что лучше: быть заживо погребенным или взлететь на воздух? Она определенно предпочитала последнее. Буранов рассердился, повысил голос, но тут, на их счастье, объявили отбой. Тогда оба они расхохотались, и все стало чудесно. Мальчик, впервые в жизни с недоумением наблюдавший ссору родителей, запрыгал вокруг них, хлопая в ладоши и крича:

– Вот и помирились! Вот и помирились! Отбой! Отбой!

Мимолетное воспоминание об этом случае вызвало легкую, нежную улыбку на лице Буранова. Солдат, напомнивший Буранову очень дорогое, и сам стал как-то особенно дорог ему, и полковник вздохнул с облегчением, когда тот спрыгнул в траншею. Отстраняя думы о семье, Буранов сказал:

– Вот дьяволы! По отдельному солдату артиллерийский огонь открывают. Снарядов не жалеют!

– Нам бы столько снарядов! – отозвался старший лейтенант.

– А что, разве у вас в полку снарядов мало?

– Да как будто и немало, а все об экономии твердят.

– И правильно! Зря стрелять негоже. Если б мои артиллеристы вздумали стрелять, как сейчас немцы, я бы их взгрел. А за шатание под огнем тоже взыскивать надо.

– В земле-то сидеть прискучит, товарищ полковник, – сказал разведчик, по фронтовой привычке без особой церемонии ввязываясь в разговор начальства. – А может, в самом деле, табачку не хватило. Не куривши-то в земле сидеть и вовсе тошно.

– Нет, на рожон лезть не годится. Почему немцы так не разгуливают?

– Гайка слаба, товарищ полковник. Куда им?

– Брось врать, Клюев! – перебил лейтенант. – У них тоже есть отчаянные.

– Так это – которые пьяные, – не сдавался разведчик. – Известное дело: накачают солдата шнапсом, ну, он и делается, что бешеный бык. Так разве ж то настоящая храбрость?

– Нет, друг, – с улыбкой возразил Буранов, – есть и у немцев храбрые люди. Нельзя отрицать. Да ведь не в том суть. Кто за что дерется, вот в чем главное...

Но развивать мысль эту полковник не стал – погрузился в наблюдения, словно бы всем существом своим перенесся туда, где скрывался противник.

Неартиллеристу, а тем более человеку невоенному рассматривать там было бы нечего: что интересного в плоском, буром бугре, усеянном битым кирпичом? Но Буранов двадцать лет служил в артиллерии и умел видеть прячущегося противника. А сейчас для него не было ничего на свете интересней этого унылого пейзажа.

Два месяца назад командир артиллерийской бригады полковник Буранов был назначен командующим артиллерией особой группы войск генерала Лиговцева. Когда в штабе фронта спросили Лиговцева, кого из поступающих в его подчинение артиллерийских командиров считал бы он возможным назначить командующим артиллерией группы, генерал, не задумываясь, ответил:

– Буранова! Кого ж еще?

Возражать никто не стал: Буранова знали в штабе как боевого командира, не раз отмеченного в приказах по фронту. Имя его упоминалось и на страницах армейских газет; о подвигах его ходили рассказы; даже люди, никогда не видевшие Буранова, многое о нем слышали. Это он помог взять Шлиссельбург, пустив на город в утреннем тумане орудийные тягачи со снятыми глушителями. Приняв тягачи за танки, гитлеровцы бежали с позиций перед городом, и наша пехота смогла зацепиться за окраину... Это он, Буранов, к великому удовольствию пехоты, втаскивал легкие пушки в стрелковые траншеи и прямой наводкой разбивал пулеметные дзоты противника. Он, отчаянный артиллерист, выдвигал свои наблюдательные пункты

за передовую линию, в нейтральную полосу, и видел то, чего нельзя было увидеть из нашего расположения. И еще многое другое рассказывали о Буранове, и все это было правда.

Старший лейтенант Рябоконь узнал Буранова по виденным им фотоснимкам в газете Ленфронта и был очень доволен, что привелось встретиться с таким знаменитым артиллеристом. Молодого офицера одолевало любопытство: для чего прибыл Буранов сюда, на самый обыкновенный наблюдательный пункт? Уж, конечно, неспроста! Что его интересует? Но старший лейтенант понимал, что спрашивать полковника об этом не следует.

Разведчик и связист не знали еще, что их гость – тот самый Буранов, о котором они слышали и читали в газете, но он внушил им уважение своим простым обхождением, а также ловкостью в обращении с артиллерийским прибором.

На бревенчатой стенке, во всю ширь ее, протянулся узкий лист бумаги, на котором был нарисован видимый в стереотрубу ландшафт, причем особо выделены предметы, служившие ориентирами, и разведанные цели. Это была артиллерийская панорама, разграфленная вертикальными линиями (соответствующими десяткам делений угломера стереотрубы) и горизонтальными, отмечающими дальности. Изредка взглядывая на эту панораму, Буранов уверенно крутил барабанчик поворотного механизма, наводя трубу то на одну, то на другую цель. Предметы на местности были мало похожи на рисунки панорамы, но это не смущало полковника: он привык к условным изображениям и творчеству «самодеятельных художников» – артиллерийских наблюдателей. Разведчики рисовали цветными карандашами неправдоподобно яркие, пряничные домики, шарообразные дубки и шестипалые елочки, но зато умели разглядеть то, что ускользнуло бы от глаз художника-профессионала. Буранов ничуть не удивился, когда вместо розовых домиков панорамы увидел на голом бугре едва различимые груды кирпича.

– Немного осталось от Тарунина, – сказал он. – Здорово поработала здесь артиллерия.

– Сначала разбомбили все немцы, – объяснил старший лейтенант Рябоконь. – Мы вели огонь уже по развалинам. А била наша артиллерия, действительно, здорово. Воронка на воронке. И то сказать – две артподготовки!

– Две артподготовки, два штурма... – задумчиво произнес Буранов, на миг отрываясь от трубы. – И никаких результатов!

– Никаких. Прямо заколдованное место! – сокрушенно вздохнул лейтенант.

– Заколдованное? Вполне понятно, что немцы так держатся за Тарунинские высоты. Это же их глаза. Кому охота глаз лишиться?

– Точно, – отозвался старший лейтенант.

И полковник, и старший лейтенант, и оба солдата очень хорошо понимали, что значит Тарунино...

Ценой величайших, героических усилий в январе сорок третьего года войска Ленинградского фронта прорвали кольцо вражеской блокады, взяв Петрокрепость, тогда называвшуюся Шлиссельбургом. Это был огромный выигрыш. Сразу же значительно улучшилось положение Ленинграда. Станция Мга оставалась еще у противника, но через Шлиссельбург, по берегу Ладожского озера, была тотчас же проложена новая железнодорожная линия. По ней обильным потоком хлынуло в Ленинград с Большой земли продовольствие, оружие, боеприпасы и людские резервы. Однако противник занимал еще Тарунинские высоты, с которых просматривалось расположение наших войск километров на восемь вглубь, до самой Ладоги и далеко в обе стороны. С этих высот вражеские наблюдатели могли прекрасно корректировать огонь своей артиллерии, обстреливавшей наши поезда, станцию Ладога и даже суда на Ладожских каналах. По железнодорожным эшелонам немцы стреляли с закрытых позиций и прямой наводкой с высот.

Казалось бы, в таких условиях немисливо провести по железной дороге ни одного эшелона: длинный состав вагонов, не очень быстро движущийся по прямой линии, – цель, кото-

рую легко поразить артиллерийским огнем. Но все же десятки составов проходили ежедневно в Ленинград и обратно. Поезда шли под прикрытием нашей артиллерии.

Партия и правительство вверили оборону Ленинграда Андрею Александровичу Жданову. До войны он возглавлял ленинградских большевиков в мирных боях за коммунизм, теперь коммунизм приходилось защищать с оружием в руках. И Жданов стал «душой обороны» города Ленина – так справедливо назвал его народ. Едва появилась возможность железнодорожного сообщения с Москвой, Жданов прежде всего позаботился о надежной защите поездов. На охрану железной дороги было поставлено крупное артиллерийское соединение. Этой артиллерии штаб Ленфронта поручил борьбу с батареями противника, обстреливавшими наши поезда. Артиллерийская разведка всех видов доставляла точные координаты действующих батарей и отдельных тяжелых орудий противника. Все они брались на учет штабом контрбатарейной группы. И едва какое-нибудь немецкое орудие делало один-два выстрела по линии железной дороги, на него обрушивался огонь нашей тяжелой артиллерии.

Но все же не обходилось без потерь на железной дороге, а контрбатарейная борьба поглощала огромное количество снарядов, требовала величайшего напряжения, сковывала большие силы артиллерии. И все это происходило только потому, что вражеские наблюдатели сидели на Таруниных высотах. Стоило сбросить врага с этих высот, захватить хотя бы топографический гребень главной высоты – и все изменилось бы: гитлеровская артиллерия лишилась бы «глаз».

Дважды наши войска пытались это сделать – и не смогли.

Почему же позиции противника, не имевшие особо сильных инженерных сооружений, оказывались неприступными? Этот вопрос заставил призадуматься командование особой группы войск, которой ставилась задача – овладеть Таруниным рубежом. Ответа не было в материалах штаба дивизии Василенко, штурмовавшей рубеж. Полковник Буранов решил, что тайны Таруниных высот не разгадать, сидя в штабе над картами, разведсхемами, журналами боевых действий и прочими документами. Надо своими глазами взглянуть на таинственные высоты. А взглянуть на языке Буранова – значило вести непрерывное наблюдение хоть двое суток кряду. Выезд в район Тарунина еще никому не разрешали: командование фронта опасалось чем-либо выдать подготовку операции. Но Буранов был человек напористый и уж если что задумал – не отступал. Другому, может быть, и отказали бы, а ему было разрешено одному, даже без адъютанта, побывать под Тарунином с непременным условием ничем не обнаружить своих истинных намерений, – поехать якобы в гости к своим старым друзьям по финской войне. Таких друзей у Буранова имелось немало. В числе их был и командир артиллерийского полка, действовавшего с дивизией Василенко. Этот командир сердечно встретил Буранова и приказал своему начальнику разведки провести его, куда пожелает, и показать все «хозяйство».

Старший лейтенант Рябоконт, конечно, не ожидал, что Буранов будет так долго сидеть у стереотрубы. Молодой офицер не мог понять, почему этот знаменитый командир так интересуется Таруниными высотами. Может, просто надоело ему сидеть в штабе над бумагами, и вот, сбежав от них, он с удовольствием смотрит на местность? Как бы там ни было, а уйти старшему лейтенанту было неудобно, он скучал, посматривая на часы, и лицо его приняло обычное хмурое выражение.

А Буранов совсем забыл о существовании своего сопровождающего, как и обо всем на свете. Он без устали, снова и снова обшаривал глазами местность, стараясь и надеясь найти что-нибудь такое, что могло бы послужить ключом к раскрытию вражеских секретов. В том, что у противника имелись секреты, он не сомневался: иначе трудно было объяснить неудачу двух штурмов.

Сначала ничего особенного он не видел. Потом заметил одну странность. Левее главной высоты, над болотом, поднималась небольшая лесистая высотка. Буранову бросилось в глаза, что лес на ней не очень поврежден снарядами. Очевидно, по ней наша артиллерия стреляла

мало. Главная высота была вся перепажана снарядами, от деревьев на ней остались только обгорелые пни. А на этой маленькой высотке зеленели почти нетронутые деревья.

«Неужели там у врага нет ничего достойного артиллерийского обстрела?» – думал Буранов, смотря на лесистую высотку и невольно любясь ею. По данным штаба Василенко, там только заслон. Так ли это? Высотка кажется совсем незначительной, когда смотришь на нее отсюда. А по карте видно, что она не так мала, только вытянута не вдоль фронта, а вглубь...

Буранов вспомнил один эпизод из журнала боевых действий левофлангового полка дивизии Василенко. Эпизод для фронта не столь значительный, на него никто не обратил, должно быть, особого внимания. Полк занимал позиции против той самой лесистой высотки, которая теперь так заинтересовала Буранова. Метрах в ста от стрелковых траншей полка начиналось болото, простиравшееся почти до самого подножия высотки, обозначенное на карте как непроходимое. Таким оно было и на самом деле: разведчики пытались ночью проползти по нему, чтобы подобраться к позициям противника, но едва не увязли в трясине. Это не остановило разведку: в ближайшую темную ночь два смельчака пустились через трясину на болотных лыжах. Утонуть они не могли, но и вернуться – не вернулись. И никакой стрельбы в том направлении не слышалось. Все было тихо. В общем, два солдата пропали без вести. И можно было только гадать, что с ними случилось: то ли наврались они на вражеский секрет, то ли уже во вражеском расположении захватил их патруль. Буранов решил подобраться к лесистой высотке как можно ближе. Распрощавшись с артиллеристами, он вышел из блиндажа со словами:

– Не провожайте. Сам найду дорогу.

Старший лейтенант остался в блиндаже. Ключев тут же спросил его, кто этот симпатичный офицер.

– Полковник Буранов. Слыхали?

– Товарищ старший лейтенант, почему же вы раньше не сказали, что это Буранов?! – жалобным голосом воскликнул разведчик.

– А зачем тебе? – удивился офицер.

– Как зачем? Это же такой знаменитый командир! Поговорить бы с ним надо. Спросить кое о чем.

– Да разве он что-нибудь скажет? – старший лейтенант насупился. – Он даже командиру полка не сказал, зачем сюда прибыл. А ведь они – друзья.

Глава II Буранов ищет ключ

Изредка взглядывая на компас, Буранов уверенно пробирался через тальники, выросшие вдоль невидимого ручья. Он тщательно изучил по карте этот участок и хорошо ориентировался на местности. Кое-где тальник рос густо, длинные прутья хлестали Буранова по лицу, но это было ему даже приятно, как грубоватая ласка друга. Лишь когда какой-нибудь прут хлестал слишком уж больно, Буранов говорил укоризненно: «Ну-ну, ты! Полегче!» – и отводил куст рукой в сторону.

Крестьянин родом, Буранов с детских лет крепко любил землю и все, что на ней произрастало: деревья, цветы, травы, кустарники. Ему нравилось сорвать какую-нибудь травинку или веточку и долго вдыхать ее запах, любуясь свежей зеленью. В начале войны искалеченное снарядом дерево так и хватало его за сердце. Потом эта боль притупилась: не оставалось уже места для жалости к деревьям – привелось видеть разорванных снарядами людей. От руки фашистских варваров гибли не только рощи, но и мирные города. Немцы разрушили знаменитую Пулковскую обсерваторию, не пощадив ее мировой славы. Буранову не раз приходилось видеть обезображенный голый холм, изрытый снарядами и бомбами, засыпанный мусором, в котором щепы стволов и ветки деревьев перемешивались с обломками кирпича. Как вулкан, дымился этот холм, который гитлеровцы все еще не оставляли в покое, будто боясь, что обсерватория воскреснет. Да она и впрямь продолжала существовать: жила в душе народа, взывая к отмщению. Если бы фашисты смогли понять, как оборачивается против них ими содеянное, они содрогнулись бы от ужаса. Но они считали, что у них больше и всегда будет больше, чем у русских, самолетов, танков, пушек и дивизий, а это все, что им надо для победы.

Буранов же, русский человек и коммунист, высоко ставил то, что на своем, военном, языке называл психологическим фактором. Только обладая неистощимой крепостью духа и возможно было обороняться на таком болоте, по какому шел он сейчас, лишь изредка укрываемый тальником от глаз немецких наблюдателей, а по большей части – на виду у них.

Тальник раздался в стороны, и перед Бурановым открылся песчаный бугорок. В рост человека стояли какие-то лиловые цветы. Как появилось среди болота сухое песчаное местечко – это была загадка ленинградской природы. Над цветами кружились желтые бабочки. Откуда-то с низким басовым гудением прилетел шмель и повис в воздухе возле самого лица полковника, словно заглядывая ему в глаза.

– Ну, чего тебе надо? Неужели мой нос похож на цветок? – Буранов тихонько подул на шмеля, отгоняя его от лица. Шмель залетел было слева, но Буранов дунул еще раз, посильнее, и тот улетел вдаль, набирая высоту.

Кустарник кончился. Дальше простиралась голая равнина, сплошь изрытая воронками. В них стояла вода. И каждая воронка, как зеркало, отражала небесную лазурь. Иногда налетал ветерок и покрывал рябью воду, тогда воронка делалась серебристой. Буранов огляделся вокруг, припомнил карту и пошел влево. Через несколько шагов он чуть не провалился в какую-то яму. Здесь начинался маскированный ход сообщения, ведущий в стрелковую траншею. Полковник зашагал по узкому земляному коридору, стены которого были обложены тонкими жердями. В нем было прохладно, пахло плесенью, под ногами чавкала грязь. Сверху падал причудливый зеленоватый свет, скупно пропускаемый маскировочной сеткой. По дороге Буранову встретился солдат. Он отдал честь полковнику и долго с любопытством смотрел вслед: такое большое начальство забредало сюда не часто...

В стрелковую траншею Буранов шел, как в гости к хорошим друзьям. Все солдаты, а не только свои, артиллеристы, были ему друзья, он любил и уважал солдат. В армии не бывает любви без взаимности: кто любит солдат, того и солдаты любят.

В окопной жизни появление начальства – всегда некоторое развлечение. От начальника солдаты рассчитывают узнать какие-нибудь новости. И чем выше он, тем большего ожидают от его посещения.

Когда Буранов поздоровался с находившимися в траншее солдатами, они гаркнули в ответ так дружно и громко, что он рассмеялся:

– Тише, тише! Немец услышит.

– Не услышит, товарищ полковник, – отвечал, широко улыбаясь, один из солдат, – он далеко.

– Как далеко?

– Метров четыреста будет.

«Правильно, – подумал Буранов, – так и по карте выходит».

А солдат продолжал:

– Наша рота малость вперед выпятилась, вроде как выступ у нас метров на сто. Думали, тут посуше будет. А между прочим, один черт: сырость!

Буранов кинул взгляд вдоль окопа.

Это была старая, хорошо обжитая траншея. В передней стенке ее было устроено несколько ниш разного назначения. В одной поблескивали алюминиевые котелки и жестяные кружки, в других лежали шинели. На проводе, протянутом наискосок, висели портянки, все в коричневых разводах. Винтовки лежали в бойницах, дощатые стенки которых были сильно выщерблены пулями. Солдаты сидели на корточках, прислонясь спиной к задней стенке, а при появлении полковника встали. В этом отрезке траншеи находилось одно отделение.

– А не прозеваеете врага, ребята? – сказал Буранов усмехаясь. – Вдруг он в атаку пойдет?

– Как можно, товарищ полковник, – ответил густым басом солдат с курчавой черной бородой. – У нас же впереди еще пост есть. С ручным пулеметом. Чуть что – загрохочут!

Сверкнув крупными белыми зубами, он добавил:

– А по совести сказать, опасаться-то нечего, товарищ полковник. Разве фрицы сунутся к нам без артподготовки? Как можно! Это наши ребята к ним запросто лазают, а они разве могут?

– Пожалуй, верно, – согласился Буранов. – Немцы привыкли действовать по шаблону.

– По расписанию, – пояснил бородач.

– Писарь распишет, командир подпишет, рядовому и делать нечего: ложись да помирай! – быстро проговорил маленький солдатик, и все захохотали.

Буранов с интересом рассматривал солдат. Особое внимание его привлек бородач. Лицо его показалось полковнику очень знакомым: черная слегка курчавая борода, горящие, как угли, глаза, в которых светилась смывленность не без лукавства, крупные белые зубы – все это он как будто уже видел и даже не один раз. У Буранова была прекрасная зрительная память, однажды виденного человека он мог узнать и через несколько лет, но где он видел этого живописного бородача, почему-то долго не вспоминалось. А когда Буранов все-таки вспомнил, то даже рассмеялся про себя: да ведь бородач – вылитый Пугачев из «Капитанской дочки». Так похож, что просто странно, что это не Пугачев, а красноармеец Еремин...

Остальные солдаты казались перед двойником Пугачева невзрачными: он всех затмевал своей яркой внешностью. И держался атаманом. «Я такого молодца старшиной бы поставил, – подумал Буранов, любуясь солдатом. – Хороший старшина из него вышел бы. Авторитетный».

Из прочих солдат выделялся полной своей противоположностью Еремину маленький и вертлявый паренек, которого все называли Шалфеем. Буранов так и не понял – фамилия это или прозвище. Когда он спросил солдат, как они живут, Шалфей, опередив всех, ответил:

– Дела неплохи, да кусают свинцовые блохи.

Буранов понял, что встретил заядлого балагура.

Все засмеялись, но Еремин, хоть и сам тоже смеялся, проговорил укоризненно:

– Все бы тебе зубы скалить, Шалфей! К тебе товарищ полковник с серьезным вопросом обращается, а ты чудишь. Уж лучше ты помолчи на этот раз, а я объясню полковнику все по порядку. Вот послушайте, товарищ полковник, про нашу солдатскую жизнь. Живем мы неплохо. Харчи теперь добрые, пищу в термосах приносят – горячей некуда. Табачку хватает.

Одно у нас горе: вода одолела. Так и лезет проклятушая, так и лезет! Сыро, как в бочке. Портянки никак не просыхают. Целый день висят – и все мокрые.

«Вот чертушка! – ласково подумал Буранов. – Выходит, если у него портянки будут сухие, так больше и желать нечего? Впрочем, мокрые ноги в самом деле вещь очень неприятная. И вредная».

Он посмотрел на дно траншеи. Там, между жердей настила, выступала черная вода.

– Настил повыше надо бы, – сказал он.

– Выше немец не велит, товарищ полковник. Окоп мелковат будет. Позабудешься, выпрямишься ненароком, встанешь во весь рост – он тебя и чикнет в голову. Снайперы у них – что надо! Глядите, как бойницы-то пощепали.

– Вижу. Настил, стало быть, поднять нельзя. Значит, выход один...

– Один, товарищ полковник!

– Какой же вы считаете?

– Такой же, как и вы, небось, – пехотинец с усмешкой махнул рукой в сторону противника. – Туда вон выход. Вперед, на горку. Там сухо.

– Правильно, – рассмеялся Буранов. – Так тому и быть.

– А туда, вишь ты, немец не пускает. Два раза ходили на эту высоту, а все она – у немца.

– Знаю, – сказал Буранов. – А почему так? Что вы об этом думаете?

– Кто его знает? – отвечал солдат. – Все сделано было по порядку. Артиллерия наша поработала на совесть. Артподготовочка была что надо. И вспахали, и пробороновали. Все честь честью. Кажись, червяку там не уцелеть бы!.. А как пошли наши в атаку, так и полегли на том скате. Мало кто назад вернулся.

– А пришли все же назад?

– Было немного... Да какое там пришли – приползли, еле живы! Кое-кого санитары да сестры ночью вынесли оттуда.

– А из вас никто не участвовал в этой атаке?

– Бог миловал. Наша рота в резерве оставалась... Да если б мы туда ходили, разве теперь с вами беседовали бы? Вряд ли найдешь здесь хоть одного солдата из тех. В госпитале, может, найдешь, а здесь – нету.

– Ну а раненые что рассказывали?

– Да что же раненый рассказать может? Говорили, что шли вперед хорошо, без помехи, а потом вдруг началось уму непостижимо что такое. Пули со всех сторон хлещут, откуда бьют – не поймешь. Повалились все наземь, да так уже и не вставали больше. Вот оно какое происшествие!

– Солдаты говорили, значит, что со всех сторон немец бил?

– Говорили этак-то... Только разве это возможно, товарищ полковник? Так не бывает. Это от расстройства чувств человек воображает. Помолчи, Шалфей! Разговор серьезный.

Еремину показалось, что Шалфей опять некстати хочет ввязаться в разговор – уж и рот раскрыл. Но это было не так: молодой солдат слушал мрачный рассказ с чувством, близким к ужасу, и рот у него от напряженного внимания раскрылся, как у ребенка. Однако же обращение Еремина вернуло ему обычную озорную веселость, и он тотчас же выпалил какую-то рифмованную скороговорку. Но никто уже не засмеялся, а Еремину даже плюнул в сердцах:

– Тьфу! Пустой ты человек, Шалфей. Вот поглядим, как в бою ты будешь зубы скалить...

– И в бою буду, – сказал Шалфей. – И ежели помирать придется, над смертью насмехаться буду. Помру на страх врагам со смехом, весело, пускай думают, что убить меня невозможно: обратно оживу.

– Какое уж веселье – помирать, – сердито сказал Еремину. – Зря болтаешь! Не в том наша задача, чтобы помереть, а в том, чтобы победить. Верно я говорю, товарищ полковник?

– Правильно. Только и смех – не грех. Вот как погоним немцев от Ленинграда, на смех спрос еще больше будет. Тогда уж мы посмеемся над ними всласть!

– А скоро, товарищ полковник? – спросил Еремин таинственным шепотом.

Все придвинулись к Буранову, и он увидел, как загорелись глаза у солдат.

– Что скоро? – переспросил он, хотя и понял прекрасно, что хотелось узнать солдатам.

– Начнем-то скоро ли? – все так же шепотом повторил Еремин, и в этом свистящем шепоте послышалась такая страсть, что Буранов понял: нет сейчас у этих людей большего желания, как дорваться до врага.

– Не знаю, – отвечал полковник, страдая, что не может оказать ничего другого. – Не знаю, ребята, – повторил он. – Да ведь если бы и знал, разве мог бы сказать?

Он увидел, как потемнели солдатские лица и потухли глаза, и вдруг добавил, улыбаясь:

– Одно могу вам сказать, ребята: портяночки свои вы скоро просушите.

После этого не избежать бы полковнику множества вопросов, но тут, словно на выручку ему, явился командир отделения – старший сержант. Он лихо вытянулся перед полковником, представился и доложил все, что положено в таких случаях докладывать. Буранов смотрел на него с удовольствием (когда-то и сам он был таким бравым сержантом).

– Службу, я вижу, вы хорошо знаете, – сказал полковник. – Вероятно, и местность точно так же. Я попрошу вас показать мне, откуда лучше всего видно расположение противника.

– Понятно! – отвечал старший сержант. – Лучшая видимость противника у нас с левого фланга. Там имеется небольшая приподнятость местности. И высокий бурьян позволяет наблюдателю хорошо маскироваться. Только разрешите заметить: вылезать туда опасно – снайпера ихние не зевают.

– На войне опасность – не препятствие, – возразил спокойно Буранов. – Воевать всегда опасно. Безопасной войны не бывает. Даже в штабе сидеть небезопасно, – добавил он с усмешкой. – У меня самого два начальника штаба из строя выбыли. И адъютант...

Говоря это, он уже присматривался, как бы половчее выбраться на бруствер.

– Постойте, товарищ полковник! – решительно остановил его командир отделения. – Так нельзя. Разрешите мне распорядиться. Чтоб все было как положено. В полном порядке и в соответствии с военной наукой.

Буранов с любопытством посмотрел на младшего командира: как это здесь применит он законы военной науки? А тот скомандовал:

– Федоров! С ручным пулеметом занять позицию у крайней правой бойницы. Товарищ полковник вылезет на бруствер вот там слева. В этом месте под проволокой имеется хороший лаз, и травка малость маскирует. Полковник станет наблюдать, а ты прикрывай огнем, отвлекай внимание противника от наблюдателя. Понял?

Высокий веснушчатый солдат, добродушно улыбаясь, взял пулемет и молча направился к крайней бойнице. Буранов осторожно вылез на бруствер. Место для вылазки было указано самое подходящее – прикрытое от глаз противника бурьяном. Но, конечно, и за этим пунктом враги наблюдали. К счастью, погода благоприятствовала Буранову: порывы ветра усилились, и бурьян раскачивался так, что мог скрыть движения ползущего человека. Полковник прекрасно знал все тонкости маскировки и ничем себя не обнаружил. Ползать он умел по-пластунски очень ловко и быстро. Пролезши под проволочным заграждением, он благополучно добрался до зарослей бурьяна и, чуть раздвинув жесткие стебли, стал смотреть в бинокль. Справа короткими очередями начал бить пулемет Федорова. В ответ на вражеской стороне захлопали редкие винтовочные выстрелы.

Буранов знал, что если вражеский снайпер заметит его, ему не сдобровать, но думал только о том, как бы получше разглядеть загадочную лесистую высотку. Его ожидало горькое разочарование: к высотке он сильно приблизился, но весь низ ее был скрыт бугорком, находившимся в нейтральной полосе, видны были только раскачивающееся от ветра зеленые кроны

деревьев – и ничего больше!.. Экая досада! Отлично просматривался участок траншеи правее высоты, но он Буранова не интересовал. Полковник не задумался бы вылезть и в нейтральную полосу, взобраться на бугорок, но понимал, что это невозможно: бурьян кончался недалеко от нашего окопа, впереди не было ни травинки, да и сам бугорок был совершенно голый. С фронта его ничто не прикрывало – там была болотная низина.

Буранов возвратился в траншею, и старший сержант командовал:

– Федоров, слезай! Отбой!

Пулеметчик вернулся такой же улыбающийся, как и уходил, хотя левая щека у него была в крови.

– Ранило тебя? – строгим тоном спросил командир отделения. – Не уберегся?

– Нет, товарищ командир, не попал он. Чуть царапнуло пулей. Пустяки. А я, кажись, накрыл его последней очередью. Снайпера-то, что у сухого куста сидел. Замолчал, собака! Авось, навсегда!

Рана и впрямь оказалась только ссадиной, которую тут же залепили полоской марли.

– Ему чуть левей бы взять, – рассуждал Федоров. – А может, целился он точно, да ветра не учел. Ветер сегодня неровный. И аккурат во фланг дует. Хороший ветерок.

– Ну, спасибо, солдат, за поддержку, – сказал Буранов. – Отлично прикрывал меня огнем.

– Чего ж не пострелять? – отвечал Федоров. – На то война. Патронов у нас теперь хватает. Не жалуемся.

Полковник ушел, а солдаты еще долго гадали, что могли означать его слова насчет портянок. Такой большой начальник, считали солдаты, слов на ветер бросать не станет...

Буранов направился обратно тем же путем. Теперь он шел медленней и, выйдя в тальники, стал любоваться зеленью и голубым небом. Узенькие листья красиво чеканились на небесной лазури. Солнце припекало лоб, забираясь под козырек фуражки, откуда-то сбоку заглядывало в глаза, заставляя щуриться. На миг Буранов позабыл огорчение, вызванное неудавшейся разведкой, забыл, где он и что происходит: просто было вокруг лето – чудесная погода, самая подходящая, чтобы отправиться в лес по грибы или по ягоды. Буранов был большой любитель грибных и ягодных экскурсий и до войны каждое лето не один раз выбирался в лес с женой и сынишкой. Ксенофонт Ильич был великий мастер собирать грибы и ягоды. Острый глаз артиллериста помогал ему раскрывать не столь хитрые тайны леса. Он набирал всегда больше всех, но незаметно подбрасывал добычу в корзинку сына, так что тот выходил победителем. Где-то далеко, в невозвратном прошлом, остались эти невинные мирные радости. Вот уже третье лето – а казалось, десятое или тридцатое! – было не до грибов и ягод. Только два раза за это время виделся он с женой и сыном, хоть и находились они так близко. Нежность, любовь, семейные радости – все это для Буранова было отодвинуто в будущее. И когда его вдруг охватывала тоска по жене, он решительно отстранял это. В письмах Буранов был сдержан и скуп на ласковые слова.

Все свои силы, всю страсть, все чувства и помыслы Буранов отдавал войне. Он знал теперь только военные радости, если не считать удовольствия, которое, как всякий здоровый человек, получал от хорошей погоды, от сытного обеда и папиросы, от крепкого сна. Хоть эти маленькие физические радости на войне гораздо значительнее, чем в мирной жизни, радость, близкую к счастью, приносил только военный успех. И сейчас Буранов решительно повернул свои мысли в привычное военное русло: стал размышлять о летних учениях на Карельском перешейке. Он снова и снова взвешивал значение этой подготовки.

Войсковые учения на Карельском перешейке были не совсем обычные. Там построили три линии траншей и много дзотов. Укрепления находились на гребне и на переднем скате высоты, имеющей превышение тридцать метров над уровнем моря. Справа и слева от высоты был лес. Этот оборонительный рубеж строился полмесяца. Все тут было сделано не условно, а по-настоящему, как у немцев. Допущена была только одна условность: «непроходимые» болота

на правом и левом флангах. Обход главной высоты исключался, ее приходилось штурмовать в лоб, с фронта.

Склоны были пологие. Наши части, отдохнувшие и получившие свежие пополнения, легко их преодолевали. Оборонительный рубеж никому не казался слишком мощным, а все же штурмовать его учили целый месяц.

– Ну, это не линия Маннергейма! – говорили офицеры – участники финской войны. – Для учений можно бы построить рубежик потруднее.

Никто не догадывался, что этот «легкий» оборонительный рубеж – точная копия того вражеского рубежа, которым не могли овладеть наши войска, дважды его штурмовавшие. Создать такую копию помогла аэрофотосъемка, а также долгая и кропотливая наземная разведка. Во время учений на Карельском перешейке разведчики-наблюдатели должны были вскрыть секреты обороны «противника». И они это делали. Материал, добытый солдатами и офицерами разведки на искусственном рубеже, сравнивался в штабах с данными разведки, полученными на подлинном. И в большинстве случаев данные совпадали. А это создавало уверенность в том, что там, на боевом рубеже, разведчики смогут быстро и точно раскрыть до конца систему вражеской обороны.

«Все это очень умно и предусмотрительно, – размышлял Буранов, перебирая в памяти подробности учений. – Однако же на учебном рубеже не хватало как будто чего-то очень важного. Не было там души вражеского рубежа. Мы точно скопировали внешность его, доты и дзоты, ходы сообщений и траншеи, но знаем ли мы, чем он дышит, как жил, как действовал во время штурма? Главное – как действовали его скрытые, тайные пружины?»

Анализ боев под Тарунином, имевшийся в штабе группы, не удовлетворял Буранова: и в этом анализе тоже чего-то не хватало...

«А может, это просто навязчивая идея? – пытался он встать на другую точку зрения. – Может, все дело в том, что у генерала Василенко было недостаточно сил для успешного штурма, а никаких особых тайн или секретов у противника там и нет?»

Но против такого предположения восставали ум, опыт, военные знания и чутье бывалого разведчика. Тайны, несомненно, есть, и очень важно их разгадать вовремя.

Это – задача разведки. Буранов лучше, чем кто-либо другой, знал, что артиллерийская разведка у нас оснащена первоклассной техникой, а разведчики – мастера своего дела. Сам он вырастил немало отличных разведчиков и не сомневался, что во всех частях, поступивших под его командование, есть такие. Став командующим артиллерией группы, Буранов сейчас же произвел в своих частях «разведку разведчиков». Результаты были отрадные: оказалось немало разведчиков, хорошо известных ему, настоящих мастеров. Особенно радовало его то, что он заполучил капитана Евгенова, который еще во время войны с белофиннами очаровал его своим необыкновенным искусством. Капитан делал чудеса, умудрялся видеть то, чего никто не мог увидеть, и не зря фамилию его переделали на Рентгенов; прозвище это так прижилось, что многие считали его за фамилию... Все эти опытные разведчики включатся в большой общий труд, предшествующий штурму сильно укрепленного оборонительного рубежа, где почти все до поры до времени невидимо.

Буранов отнюдь не собирался подменять своих разведчиков, хоть и сохранял в душе горячую любовь к этой интереснейшей военной профессии. Прежде всего он был командующий и, как положено, с душой, работал в своем штабе: отдавал приказание, планировал действия артиллерии и руководил ими. Но все же не упускал случая собственными глазами посмотреть на то, что представлялось ему особо важным. А под Тарунином, казалось, так много секретов у противника! Невозможно было устоять от соблазна полазить с биноклем по переднему краю. Так случалось не раз и прежде. И ни у кого из начальников Буранова не поворачивался язык упрекать его за это. Как мастер-живописец иногда кладет решающий мазок на работу своих

учеников, так и Буранов нередко своим личным наблюдением завершал картину, созданную его разведчиками.

Глава III

Многозначительный бугорок

Подготовка операции держалась в самой строгой тайне, штурм высот должен был начаться внезапно, явиться полной неожиданностью для противника. Запрещалось все, что могло бы вызвать у гитлеровцев какие-либо подозрения. Даже свои войска не должны были ни о чем догадываться.

Лишь за несколько дней до смены частей на позиции под Тарунином допущено было ограниченное число офицеров и сержантов для доразведки. В числе их и полковник Буранов, уже побывавший здесь раньше неофициально – «в гостях».

Части, оборонявшие рубеж, и не предполагали, что их сменят. Напротив, они получили приказ: произвести разведку боем и захватить «языка», чтобы выяснить, какими силами обороняются Тарунинские высоты.

Разведка боем в общем удалась. Буранов прибыл в самый подходящий момент: довольный успехом командир дивизии встретил его чрезвычайно радушно. Генерал Василенко помнил Буранова еще по финской войне. А Буранову особенно запомнились его роскошные каштановые усы; теперь усы эти были белые.

– Давненько не видались, Ксенофонт Ильич! – говорил генерал, обнимая Буранова и щекоча ему щеки усами. – Ты все такой же, не стареешь. Молодой ты! Завидую. А я, брат, сильно подался. Траектория жизненного процесса пошла круто вниз. Усы даже, гляди, побелели. А я думал, что они всегда темные будут, до самой смерти.

– Ну, невелика беда, Всеволод Петрович! Усы покрасить можно, – сказал Буранов, не желая огорчать генерала, который действительно сильно постарел: словно бы кто вдоль и поперек исчертил черными линиями его поблекшее лицо.

– Не подобает, – возразил Василенко. – Не генеральское дело краситься.

– Ну, тогда снимите усы, – враз помолодеете лет на двадцать.

Генерал обиделся:

– Ты бы еще Буденному присоветовал усы снять, Семену Михайловичу!

– Ну, Буденному я не посоветую.

– И мне не советуй таких глупостей. С усами родился, с усами помру. Ха-ха-ха!

Он похохатывал, но, как показалось Буранову, не очень весело, смех был с трещинкой – не такой, как на финском фронте, четыре года назад. Не повезло ему под Тарунином!

Буранов никогда не мог понять, почему этот добряк, любитель хорошо покушать, перекинуться в преферанс или посидеть за шахматной доской, избрал себе беспокойную военную профессию. На такой вопрос генерал Василенко отвечал всегда коротко и решительно:

– Призвание!

Командовал дивизией он неплохо, в штабе фронта был на хорошем счету. Сам он говорил о себе, что умеет и карты противника разгадать, и ход хороший сделать, и, шутя, уверял, что недурно было бы в военных училищах преподавать, сверх всего прочего, преферанс и шахматы, так как то и другое – превосходная тренировка военных качеств командира. Только под Тарунином, впервые в жизни, получилось у него неладно. Может, от этой неудачи и побелели так усы?

Ласково глядя на Буранова черными живыми глазами, которые не думали сдаваться годам и испытаниям, хоть и были окружены сетью морщинок, генерал говорил:

– У тебя, Ксенофонт Ильич, нюх на закуску. В самый раз подгадал. У меня редкое угощение имеется. Деликатес! Такого и в Москве не достанешь!

– Что же это такое? – без особого интереса, только из вежливости спросил Буранов, никогда не увлекавшийся едой.

– А вот что, – сказал генерал многозначительно: – «Языки»! А может, и дороже стоят? Хо-хо-хо! Это мы посмотрим.

– Вот это угощение по мне! – с искренней радостью воскликнул Буранов, подумав, что «языки» смогут дать какой-нибудь ключ к разгадке таруниных тайн.

– И «языки», заметь, особенные! – продолжал генерал. – Один язык – вроде как бараний – бароний. Или – баронов? Черт его знает, как немецкий барон изменяется в соответствии с русской грамматикой?

– Как требует русская грамматика, так и изменится! – поддержал шутку Буранов.

– Полагаю, что так. А ты видел когда-нибудь баронов?

– Видел одного, – усмехнулся Буранов.

– Где ж ты мог видеть барона? – недоверчиво спросил генерал. – Ты ведь молодой.

– На сцене Художественного театра. В пьесе «На дне».

– Ха-ха-ха! Ну, у меня, брат, увидишь барона с другого дна – с фашистского. Перед ним горьковский – херувим и серафим. Тут уж – подонки, так подонки. Человеческого не сыщешь!

Этот разговор они вели на ходу, направляясь в штаб дивизии. В большой штабной землянке собралось много офицеров. Некоторые из них хорошо знали Буранова и стали с ним здороваться: кто жал ему руку, кто – обе, а иной норовил и обнять. Нашлись, конечно, и охотники поболтать – вспомнить какую-нибудь старинку, но генерал скомандовал:

– Отставить разговоры! Привести пленных!

Их было двое – солдат и офицер. Оба были без головных уборов и так перемазаны желтой глиной и черной торфяной землей, что обмундирование их казалось камуфлированным. Гитлеровцы были одинакового роста, но офицер во что бы то ни стало хотел быть выше солдата – все время вздергивал кверху подбородок и поднимал плечи. Буранов с любопытством смотрел на немецкого офицера: настоящего, не театрального барона видел он, действительно, впервые. Ему как-то не верилось, что есть еще люди, которые всерьез почитают средневековые титулы, что существуют еще где-то князья, бароны, графы, сохранившиеся у нас только на сцене. Барон был белобрысый, безбровый, с крутым лбом, одутловатыми щеками и хищным хрящеватым носом. Глаза у него были бесцветные, водянистые, нижняя губа отвисала, но ее крепко подпирали снизу массивный подбородок, в свою очередь подпираемый воротником мундира.

Все с интересом рассматривали пленных, особенно офицера. В землянке было тихо, и в тишине послышался вдруг странный металлический звон и дребезжание. Поняв его причину, прыснули в кулак молодые адъютанты, потом засмеялись и командиры, а генерал, с презрением смотря на фашистского офицера, сказал:

– Ишь ты! Как цыганка в кабаке, грудью трясет, монистами гремит.

«Дурак», – подумал о немце Буранов, но все же невольно стал разглядывать ордена: железные и бронзовые кресты и медали, нарочито грубой выделки, неполированные, в средневековом стиле. На рукаве мундира нашит щиток. Не сразу можно понять, что на нем изображен Крымский полуостров, но надпись поясняет: «За Крым».

Солдат стоял смирно, вид у него был откровенно испуганный, он смотрел прямо на генерала. По-русски он не понимал, и оттого все, что говорили русские, представлялось ему страшным, угрожающим. А офицер неплохо владел русским языком, только говорил с сильным акцентом.

Генерал сам начал допрос пленных.

– Фамилия? – спросил он офицера.

– Барон фон-Штуббе. Обер-лейтенант.

– Это я сам вижу. Отвечайте только на вопросы.

– Вы должны обращаться со мной корректно, – поспешно сказал гитлеровец.

– Разумеется, – усмехнулся генерал, – точно так же, как вы обращаетесь с пленными.

– О нет! – вырвалось у офицера, и все засмеялись, а он надулся, поняв, что дал маху.

– Кто командует войсками на этом рубеже?

Гитлеровец наморщил лоб и закатил глаза, соображая, отвечать или нет на вопрос. Решил, что можно ответить:

– Это не есть секрет. Это всем известно. Германскими войсками здесь командует прославленный генерал Краузе. Под его командованием мы завоевали Крым... Крымские вина мне понравились. Мы, германцы, охотно будем пить крымское вино.

– Не болтать! – крикнул Василенко. – Отвечайте только на вопросы. Какие части обороняют этот рубеж?

Еще сильнее сморщив лоб, гитлеровец подумал, потом заговорил напыщенным тоном:

– Германский офицер никогда не болтун. Кроме того, я не имею желания беседовать с представителями низшей расы. Вы есть унтерменш. У вас не есть настоящий социализм. Настоящий социализм осуществляется в Германии. Это есть националь-социализм, создатель которого есть посланец providения Адольф Гитлер. Хайль Гитлер!

Кое-кто из офицеров хмурился, но многие улыбались: речь фашиста была просто смешна, а свое «хайль» он выкрикнул каким-то петушиным голосом и грудь при этом выкатил, как петух.

– Сколько штыков в дивизии Адлера?

– Адлер? Откуда вы знаете Адлера? Я вам ничего не говорил об Адлере.

– Мы знаем немножко больше, чем вы думаете. Сколько штыков у Адлера? И сколько у Кнабе?

– Этого я вам не скажу. Германский офицер умеет хранить военная тайна.

– Вы просто этого не знаете. Вы слишком маленький командир, чтобы это знать. А нам это известно. Хорошо. Зато вы, наверно, знаете, как велики были у вас потери при последнем штурме Тарунинских высот?

Обер-лейтенант нагло улыбнулся:

– О нет! Никаких потерь. Мы умеем воевать. Это вы при штурме понесли колоссальные потери!

Генерал Василенко побагровел, но, сдержав порыв ярости, продолжал невозмутимым тоном:

– Вы слишком много болтаете. Это не приведет ни к чему хорошему. Отвечайте только на вопросы. Как часто происходит смена частей на Тарунинских позициях?

– Смена частей происходит своевременно.

– Вы не хотите отвечать?

– Я требую отправить меня в лагерь для военнопленных офицеров, в соответствии с правилами ведения войны.

– Куда вас отправить, мы решим сами. Сейчас мы еще дадим вам время поразмыслить над вашим положением и припомнить все, что вам известно о частях, обороняющих Тарунинские высоты. Это будет для вас лучше всего. Конвой! Увести пленного!

Гитлеровец зашагал к двери журавлиным шагом, горделиво задирая вверх подбородок и надувая щеки.

А солдат, как только увел офицера, сразу оживился и, не ожидая приглашения, заговорил поспешно и даже в грудь себя ударил:

– Herr Oberleutnant ist Nazi! Ich bin kein Nazi!

– Все они так! – заметил Буранов. – Как хвост прищепит, так и давай отрешиваться от своего фашизма.

– Ну, не все, – возразил Василенко. – Один только что в нацизме расписался.

– Так то офицер!

– И среди солдат попадаются этикие. Но этот как будто не из железных.

То сам, то с помощью лейтенанта-переводчика генерал стал задавать пленному вопросы, на которые тот отвечал с величайшей готовностью, многословно. Солдат явно старался расположить к себе людей, державших теперь в руках его судьбу. Он смотрел прямо в рот перевод-

чику и спешил ответить, еще не дослушав вопрос до конца. О позициях в центре участка гитлеровец рассказывал подробно, но что было справа и слева, он не знал.

– Повидимому, правду говорит, – заключил генерал. – В основном все совпадает с нашими данными. Кое-что уточняется... Товарищи командиры, у кого есть вопросы к пленному? Давайте.

Буранов задал несколько вопросов об артиллерии, но сразу же понял, что этот пленный в артиллерии несведущ, а, стремясь угодить, может насочинять небылиц.

– Ну его к черту! – резко сказал Буранов, расстроенный тем, что никакого ключа у него опять не оказалось. Сердитый тон полковника испугал пленного, он задрожал и стал снова повторять:

– Ich bin kein Nazi!

Генерал успокоил его:

– Не бойтесь. Геббельс вас обманул: мы не убиваем пленных.

Немца увели, а генерал стал подытоживать результаты разведки боем. Показывал на карте, как протекала она в целом, иное одобрял, иное порицал. Потом, взяв толстый красный карандаш, обозначил большой жирной стрелой направление главного удара, а стрелками потоньше и поменьше – ударов-демонстраций. В заключение же крикнул и уверенно провел новую линию переднего края. Красная черта отхватила от нейтральной полосы крошечную высотку, бугорок.

– Вон какой Монблан завоевала наша пехота! – пошутил генерал. – Три с половиной метра над уровнем моря. А площадью – не менее полгектара. Огромное приобретение!

Офицеры засмеялись:

– И то хлеб! Лучше, чем ничего.

А Буранов смотрел на генеральскую карту с необыкновенным вниманием, более того – с волнением. Ведь это указанное генералом возвышенье было не что иное, как тот самый бугорок, который заслонял загадочную лесистую высотку, с него она должна быть хорошо видна!..

Хлебосольный Василенко очень огорчился, когда вдруг обнаружилось, что Буранов исчез. Генерал хотел угостить полковника на славу: открыть банку довоенных ленинградских шпрот да еще заказать повару рагу из мясных консервов со свежей морковкой и петрушкой.

Но если бы Буранов и знал, какое роскошное и редкое по тем временам угощение он упустил, вряд ли бы этим огорчился: его вполне устраивала пшенная каша с комбизиром или с колбасой. А сейчас он и не вспоминал о еде.

Хорошо знакомым путем он шел на участок, который только что рассматривал на карте генерала Василенко, – в то самое место, которое генеральский карандаш обвел на бумаге красной чертой.

Глава IV

Фигура в белом

Бугорком в нейтральной полосе овладел взвод, с одним отделением которого Буранов недавно познакомился в траншее. Еремин, Федоров и другие солдаты были чрезвычайно довольны, что вылезли из сырости, и добрым словом поминали полковника, который «наво-рожил им счастье»: ныне и впрямь будут у них сухие портянки. Никто не мог знать, что полковник имел в виду совсем другое – смену войск. Солдаты спешили устроиться получше на новом месте и за ночь вырыли хороший окоп, на дне которого – самое главное! – не было ни капли воды.

Буранов попал к своим знакомым. На этот раз его встретил сам командир взвода – младший лейтенант. Он отрапортовал по форме и с удовольствием и почтением смотрел на Буранова. А солдаты принялись наперебой благодарить полковника.

– За что вы меня благодарите? – удивился он.

– Как же, товарищ полковник! – серьезно пояснил Еремин. – Ведь вы намедни сказали: скоро, мол, портяночки просушите, солдаты. Всему взводу ваши слова ведомы стали. Вот мы и закрепились на этой горке и назад уж не спятились, потому как знали, что горка нашей быть должна. Вот как оно вышло, в точности по вашему слову, товарищ полковник!

Буранова очень позабавило, что он невзначай стал прорицателем.

– А где же ваш Шалфей? – спросил он, не слыша обычных прибауток.

– Ранило его, – отвечал Еремин. – В госпиталь эвакуирован Шалфей.

– Тяжело ранен? Опасно?

– Пулей в грудь. Только военфельдшер сказывал: ничего, выживет. Теперь в госпитале чудить будет. Промежду прочим, отчаянный парень оказался наш Шалфей. Мы думали, он только шутить горазд, а он в окоп немецкий первым махнул и двоих солдат там прикончил. А офицер ихний успел в него выстрелить. Проткнул я штыком того офицера, да поздновато... Вот какое дело вышло. Скучно нам будет без Шалфея.

– Ничего, – утешил Буранов. – Другой забавник найдется. Их в армии много... Товарищ младший лейтенант, – обратился он к пехотному офицеру, – мне необходимо посмотреть расположение противника. С вашего бугорка, должно быть, хорошо видно.

– Так точно, товарищ полковник, видимость у нас неплохая, – отвечал пехотинец. – Здесь, неподалеку эн-пе нашего батальона, оттуда местность впереди просматривается хорошо. Разрешите я вас сам туда проведу?

– Проведите.

Буранов попрощался с солдатами и пошел за офицером. Прошли метров пятьдесят по очень узкому ходу сообщения, и младший лейтенант сказал:

– Идти дальше некуда. Вон по той канавке поползти надо метров двадцать, там и эн-пе. Поползете за мной или не пожелаете?

– Не пожелаю! – усмехнулся Буранов. – Зачем мне ползти за вами? Я поползу один – самостоятельно. Сбиться с пути тут нельзя. Вы мне больше не нужны. Возвращайтесь к себе. Спасибо за услугу.

Младший лейтенант, откозыряв, ушел, а Буранов осторожно вылез в канавку и пополз по ней. Через две минуты он очутился на батальонном наблюдательном пункте. Пехота для наблюдения за противником не строит таких блиндажей, как артиллеристы: батальонный наблюдатель сидел в окопчике. Появлению полковника он ничуть не удивился: то был кадровый солдат, удивить которого нелегко. Он только негромко произнес: «Здравия желаю, товарищ полковник», – и потеснился, давая место Буранову.

– Что там видно у немцев? – спросил Буранов.

– Тихо, – отвечал солдат и добавил мудро: – Нормальная невидимая циркуляция происшествий несущественной значительности.

– Ну-ка, давай посмотрим на эту циркуляцию! – улыбнулся Буранов и вооружился биноклем, служившим ему еще с финской войны.

Перед ним была лесистая высотка, которую еще недавно заслонял этот самый бугорок. Теперь она открылась вся. Буранов стал тщательно исследовать ее, медленно передвигая бинокль, стараясь проникнуть взором в таинственную глубину между деревьями, приглядываясь к цвету зелени, высматривая, нет ли где вскопанной земли.

Лес казался необитаемым.

Но полковник хорошо знал, что наблюдать надо долго и терпеливо, если хочешь что-нибудь увидеть. И, устроившись поудобнее в окопе, он не отрывал глаз от бинокля.

«Толково действует, – с уважением подумал солдат. – Не то что иные-прочие шныряют глазами во все стороны разом. Этот ничего не проморгает. На него можно положиться. Пускай понаблюдает в охотку. Той порой у меня глаза отдохнут».

Прошло не менее получаса, глаза у пехотинца уже отдохнули и от скуки стали слипаться, а Буранов все еще ничего не высмотрел – высота по-прежнему оставалась безжизненной.

«Пожалуй, до вечера проторчишь тут зря, – подумывал уже он. – Может, и в самом деле там у противника ничего существенного нет?»

Но этому полковник никак не мог поверить. Он решил сидеть здесь хоть до ночи, полагая, что за целый день обязательно должно что-нибудь обнаружиться.

А солдат уже недоумевал: почему полковник так долго смотрит на эти малоинтересные места?

Длительным наблюдением Буранов не тяготился, как рыболов не тяготится часами смотреть на неподвижный поплавок. Зеленая лесистая высотка ласкала его взор, казалось, оттуда веет свежестью и лесными ароматами. Хорошо там! Особенно подальше, на горке, где сосны...

Хотя артиллерия Василенко сравнительно мало была по этой высотке, все же снаряды проделали в зеленой одежде ее несколько порядочных прорех. Получились как бы окошки, через которые можно было заглядывать вглубь леса, местами видеть не только середину возвышенности, но и конец ее. Но как ни заглядывал Буранов в эти «окошки», в них ничего не было видно. Высотка казалась безжизненной. Может, и в самом деле там только небольшой заслон?

Но вдруг полковник насторожился: что это? Вдали, в конце сделанной снарядами «просеки», меж стволами сосен мелькнуло что-то белое. Скрылось... опять мелькнуло – поправее!

«Немец, – определил Буранов. – Немец в белом маскхалате. Почему в белом? Не по сезону! Какая же это маскировка? Вон как выделяется на фоне зелени! Странная история...»

Полковник обернулся к пехотинцу:

– Что это за немец в белом там разгуливает? В дальнем конце, меж сосен. Видишь?

Солдат, глядя в бинокль, отвечал равнодушно:

– Нормальная циркуляция отдельного фрица.

– Почему же вы не снимете его из винтовки? Разве у вас снайперов нет?

– Это же повар, товарищ полковник! – отвечал пехотинец таким убедительным тоном, что Буранов невольно улыбнулся: «Ишь ты, гуманность какая! Как же я сам-то не догадался, что это повар?» – думал он, чувствуя, что тут уже есть какая-то нить: повар готовит не на одного человека, и для обслуживания заслона повар – слишком большая роскошь.

А солдат счел своим долгом все разъяснить полковнику:

– Сейчас повар идет в канцелярию – выписывать продукты. Канцелярия правее. Там он пробудет минут пятнадцать. После пойдет на склад – получать продукты. Склад у них в левой землянке, на том скате.

Буранов слушал обстоятельного солдата с истинным наслаждением. Сам Рентгенов не выследил бы все лучше! Очень скоро полковник убедился, что солдат не сочиняет: все было

так, как он говорил. Действительно, через четверть часа повар снова появился в поле зрения Буранова. Потом полковник видел, как он шел с мешком на спине, очевидно, уже со склада. «Нестроевой чин» двигался не спеша, спокойно. Он не подозревал, что на него смотрят русские, которым известна вся его «циркуляция»!

Буранов сразу понял, в чем тут дело. Гитлеровцы считали свое расположение на этой высотке недоступным наблюдению с нашей стороны. Так оно и было до тех пор, пока их прикрывал тот самый бугорок, на котором находился сейчас Буранов. Когда наши захватили бугорок, положение значительно изменилось, а гитлеровцы этого не учли. И попрежнему считали себя невидимыми!

Буранов продолжал наблюдать. Теперь никакая сила не оттащила бы его отсюда, он не обратил бы внимания ни на какой обстрел: то, что он видел, было для него слишком интересно. И чем дальше, тем интересней.

Мелькавший на дальнем плане повар был малозначительным явлением по сравнению с тем, что увидел Буранов на переднем плане высоты, на опушке покрывавшего ее леса.

Вдоль нее шли два солдата с термосами на спине. Должно быть, получив пищу на кухне, они разносили ее гарнизону. Шли эти солдаты по траншее, которая местами была мелковата: их головы то появлялись, то скрывались. Время от времени солдаты совсем исчезали минут на пять, а потом появлялись в том же самом месте.

Это было чрезвычайно ценное наблюдение: разносчики пищи показали направление траншеи на лесистой высоте – она располагалась почти перпендикулярно к основной линии фронта, проходящей вдоль главной Тарунинской высоты. Это могло означать только одно: здесь противник оборудовал позицию, с которой может вести фланговый огонь по подступам к главной высоте, – стрелковую траншею с большим количеством пулеметных гнезд.

Там, где останавливались и исчезали на несколько минут разносчики пищи, очевидно, были огневые точки, может быть, пулеметные дзоты.

Теперь Буранов по-новому представил себе картину наших неудачных штурмов.

Позиция на лесистой высоте ничем не выдавала себя. Лес так хорошо маскировал ее, что даже аэрофотосъемкой она не была обнаружена. Позиция упорно молчала в начале боя. Она молчала во время нашей артиллерийской подготовки, и даже при начале нашей атаки с нее не делалось ни одного выстрела. И это вводило в заблуждение разведку. Артиллерия, перепавшая всю главную высоту – и передний скат ее и самое плато, – мало была по левофланговой высоте. Разведанных целей на ней не значилось, там предполагался только заслон, да и не очень сильный, так как впереди было непроходимое болото.

Что же получалось? Гитлеровцы впускали наши цепи на склон главной высоты, позволяли им приблизиться к своим траншеям и тут внезапно обрушивали на них мощный фланговый огонь пулеметов и винтовок (может быть, снайперских). Шквал свинца, направленный вдоль цепей, сметал атакующих. Наклон плато в сторону левого фланга способствовал эффективности обстрела.

«А ведь все это просто! – размышлял Буранов. – Не ахти какая хитрость. Почему же командиры Василенко не разгадали ее? Конечно, мысль о фланговом огне у них тоже возникла, но они отбросили ее. После боя, если не в ходе его, имеющиеся в ротах специальные наблюдатели должны были бы доложить, что слева противник вел сильный фланговый огонь. Почему они не доложили? Может, просто не вернулись с поля боя? А с наблюдательных пунктов в нашем расположении ничего такого не было видно. Так вот и получилось: искусная маскировка, а главное выдержка противника сделали свое дело. В анализе боя был допущен провал, ошибка. И при втором штурме артиллерия обстреливала лесистую высоту совершенно недостаточно, да и не тогда, когда нужно. Гитлеровской ловушке удалось сработать два раза!.. Ну, а в третий раз не выйдет. Номер не пройдет. Я ее уничтожу».

Буранов дождался возвращения солдат с термосами и, следя за появлением их голов, проверил и уточнил свой набросок фланкирующей траншеи. Оставаться дольше на батальонном НП было незачем, да и некогда: у командующего артиллерией немало дел. Прощаясь с солдатом, Буранов спросил его фамилию.

– Рядовой Никитин первой роты, товарищ полковник! – доложил солдат.

– Молодец ты, Никитин! Отлично все высмотрел.

– Обыкновенное дело, – отвечал солдат. – Натуральная циркуляция противника в лесисто-болотистой местности.

Замысловатый солдат очень понравился Буранову, потом полковник не раз вспоминал его.

Своей вылазкой Буранов был доволен: предположения его подтверждались. Но он прекрасно понимал, что это только одна из тайн Тарунинских высот, загадочным оставалось еще многое. Когда его артиллерия встанет на рубеж, дело пойдет успешнее: артиллерийские разведчики – солдаты и офицеры – помогут разгадать все вражеские секреты. На бугорке будет оборудован специальный передовой наблюдательный пункт. Лучшие разведчики поведут отсюда непрерывное наблюдение за лесистой высоткой.

Глава V

Странности нового рубежа

Смена частей произошла, как обычно, ночью. В ту пору наши войска под Ленинградом превосходно приучились к ночным действиям. Все темные и полутемные часы короткой летней ночи наполнены были тайным движением, скрытной работой. На нашей стороне только ночью и можно было производить смену частей, рыть траншеи, оружейные окопы и ходы сообщения, строить дзоты и блиндажи. Из офицеров и солдат вырабатывались виртуозы скрытности, мастера маскировки, умевшие за одну ночь делать невидимыми пушки и блиндажи.

В ночь пришло и ушло множество людей, машин, орудий, а гитлеровцы ничего не заметили. Они не знали, что оказались лицом к лицу со свежими силами русских. Немецкие наблюдатели увидели утром на нашей стороне те же самые окопы. Но люди в них сидели уже другие. Как только рассвело, эти люди с интересом стали осматриваться на новом для них рубеже.

От сменных артиллерийских и минометных частей командиры батарей Буранова приняли в наследство все, что было добыто длительной разведкой: журналы целей, артиллерийские панорамы, разведсхемы, огневые планшеты и прочее.

Разведчик Клюев дежурил на своем наблюдательном пункте в последний раз, и ему жалко было покидать этот блиндаж и отдавать сделанные им цветные картинки – зарисовки целей.

– Вы на готовенькое приходите, – говорил он явившимся сюда новым разведчикам. – Все мы разжевали, вам только глотать осталось. А каких трудов нам это стоило!

– Труды ваши не пропадут, – отвечали ему. – По готовым-то адресам мы добрые гостинцы посылать станем.

– Нет, подумать только, что значит – привычка! – продолжал Клюев. – В блиндаже этом, конечно, ничего особенного: тесно, темно, сыростью пахнет, как в погребке, сверху труха сыплется. А уходить отсюда неохота. Здесь я как дома.

– Солдату везде дом.

– Здесь-то дом обжитой.

– Ничего, обживешь и другие хоромы где-нибудь неподалеку.

– Это точно! – рассмеялся Клюев. – Давай закурим, солдат. Интересно, куда нас теперь направят?

– Известно куда: в санаторий.

Все дружно захохотали. И уходящие и остающиеся были довольны. Одни надеялись передохнуть малость где-нибудь в тылу, другие радовались, что не придется им каждую ночь копать землю и таскать бревна, как это бывает, когда часть займет новый, необорудованный рубеж.

Но огневым взводам некоторых вновь пришедших батарей довелось все же потрудиться немало: готовых оружейных окопов и дзотов не хватило – пушек оказалось больше, чем было здесь раньше.

Буранов не спал всю ночь. Проверял, как осуществлялось то, что он наметил на карте. Его видели то на одном фланге, то на другом, то в пушечном артиллерийском полку, то в гаубичном дивизионе. Он ухитрялся поспевать везде.

Требовалось скрытно разместить всю артиллерию, сделать невидимками множество пушек и гаубиц. Задача нелегкая! Вполне закрытых позиций в нашем расположении не было, приходилось налегать на маскировку. Вдобавок местность болотистая: копнешь землю лопаткой – тут тебе и вода. Но у Буранова был большой опыт войны на болотах: орудия устанавливались на надежных бревенчатых настилах...

Лишь под утро, когда уже посветлело настолько, что производить работы стало рискованно и маскировка огневых позиций была закончена, Буранов пошел отдохнуть в землянку командира гаубичного дивизиона. Лучше бы, конечно, поспать полчасика на свежем воздухе,

но там либо комары не дадут уснуть, либо проспишь все на свете. А в командирской землянке у аппарата сидит телефонист – он разбудит, когда надо. Час тому назад Буранов отправил сюда своего адъютанта, теперь тот спал на узкой койке, накрыв лицо шинелью от комаров, которые проникали в землянку, как ни дымил махоркой связист. Буранов стал устраиваться на другой койке, приказав солдату разбудить его через полчаса. У телефониста не оказалось часов, и полковник дал ему свои. То были серебряные карманные часы с двумя массивными крышками, фирмы Павел Буре. Их лет двадцать назад подарил Буранову, тогда еще молодому красноармейцу, командующий войсками военного округа за отличные действия на учениях. Красноармеец стал полковником, а часы ходили все так же точно. Буранов с ними не расставался и не променял бы на золотые.

Телефонист принял солидные часы с должным почтением и бережно положил на столик, рядом с аппаратом.

– Оккупировали землянку полностью! – засмеялся Буранов, с наслаждением вытягиваясь на твердых досках. – Хозяин придет – и лечь негде.

– Да он не придет, – сказал появившийся откуда-то ординарец. – На эн-пе останется до самого обеда. Располагайтесь поудобнее, товарищ полковник! Дайте-ка я ватничек под бок положу. Сенник-то набить я еще не успел.

Ординарец знал полковника Буранова и теперь заботился о нем так же, как заботился о своем командире.

– Ватник? Замечательно! Спасибо. Не ватник, а перина! А ты чего же сам-то не спишь, друг?

– Да я только что пришел. Батарейцам нашим подсоблял. В одну ночь-то управиться трудновато. Я враз с вашим лейтенантом пришел. Он только-только заснул, а наказал разбудить себя через полчаса. А что за сон – полчаса?

– Верно, – сказал Буранов и обратился к телефонисту: – Значит, так: меня разбудишь через полчаса, а адъютанта не будить впредь до моего особого приказа. Понятно?

– Так он же приказывал побудить, товарищ полковник! Серчать будет.

– Ничего. Его приказание я отменяю. Понятно?

– Понятно! – отвечал телефонист.

Он, как и все другие, знал, что у Буранова есть особые причины беречь своего адъютанта: это был человек не совсем обыкновенный. Случилось так, что в первый же месяц войны лейтенант Егоров, всюду, как тень, сопровождавший командира полка, в ту пору еще майора, был тяжело ранен осколками гранаты, брошенной из засады в автомобиль Буранова. Раненого эвакуировали в глубокий тыл – в Сибирь. Буранов уже не чаял увидеть его живым, так как полковой врач определил: девяносто девять шансов за то, что лейтенант умрет в дороге – и до госпиталя не дотянет. Буранов не забыл верного адъютанта, но никаких вестей от него не было, повидимому, врач оказался прав... Прошло полгода. Была зима. В командирскую землянку вошел желтолицый, грязный и оборванный мужчина с длинной редкой бородой. Буранов посмотрел на него с удивлением. Но вошедший вытянулся по-военному и молодым голосом доложил:

– Товарищ командир полка! Лейтенант Егоров прибыл в ваше распоряжение.

Голос – это было все, что осталось от прежнего Егорова. Буранов бросился обнимать его.

Оказалось, лейтенант ухитрился раньше времени выписаться из госпиталя и добраться до Ленфронта. В мороз шел он пешком через Ладогу, раны его еще не зажили. Но он хотел найти своего командира и «прорвался в кольцо блокады».

Прошло уже много времени со дня, когда растроганный Буранов обнял «выходца с того света». Егоров поправился, окреп и вновь занял свою прежнюю должность. Только теперь он стал еще молчаливей и казался гораздо старше своих лет. Полковник же продолжал относиться к нему, как к выздоравливающему, что огорчало и сердило адъютанта...

Как только Буранов мысленно сказал себе: «Можно спать», он словно провалился в какую-то черную яму. Потом он увидел себя в лесу восьмилетним мальчуганом. В лесу где-то прячется леший. Одному мальчику идти таким лесом было бы страшно, но он идет с дедом, который ничего не боится.

Узкая тропка пролегла меж стволами огромных деревьев. Старик шагает широко, мальчику приходится бежать за ним вприпрыжку. Мох ласково гладит его босые ноги, еловые шишки и хвоя покалывают подошвы, но не больно.

Дед что-то рассказывает, только его плохо слышно – мешает какой-то посторонний звук. «Это адъютант храпит», – думает Буранов, фантастически совмещая сон и явь. Он продолжает идти с дедом по тропинке, которая выводит их на лесную дорогу.

Поперек дороги лежит свежесрубленная береза. Мальчик мог бы легко перелезть через поваленное дерево, дед – тем более. Но старик останавливается.

– Вот, – говорит он, укоризненно качая седом головой, – свалил мужик лесину, отрубил себе бревнышко, а остальное бросил поперек пути! Нехорошо. Ведь дорога-то – общая.

Дед берется за ствол березы и пытается оттащить ее в сторону. Дерево тяжелое, не сразу поддается усилиям старика, и внук уверен, что без его помощи деду не справиться.

– Молодец, Ксеша! – говорит дед. – Труда не бойся, тем паче на общую пользу. Этот труд святой. Вырастешь, бог даст, потрудишься для честного люда. Растешь ты ладно. Гляди, скоро лес перерастешь.

Слова деда становятся уже не шуткой: мальчик замечает, что он и в самом деле перерастает лес. Верхушки деревьев приходятся ему по пояс, потом уже только до колен. Еще немного, и лес лежит у его ног, как лужайка с высокой травой. Дед куда-то исчез: очевидно, остался там, в лесу. А внук все еще растет. Вот он видит землю уже словно с самолета. Лес далеко внизу, как зеленые пятна на карте. Вот уже облака на уровне его груди, он смотрит вверх облаков. Но почему комары-то не остались внизу, а поднялись вместе с ним за облака? Как назойливо гудят, проклятые! Он ловит рукой комаров, давит их, а это не комары, а «Мессершмитты». А вот летит стайка насекомых покрупнее, вроде ос. Это «Юнкерсы». Он делает взмах ладонью, быстро сжимая пальцы: так, бывало, в хате ловил мух на лету. Есть, поймал! Бомбовоз взрывается в ладони с оглушительным треском...

Буранов открывает глаза и сразу не может понять, где он находится и что произошло. В землянку льется дневной свет и тянет пороховой гарью. Телефонист сидит у аппарата бледный, с широко раскрытыми глазами.

– Как есть у самой землянки ударило! – говорит он, видя, что полковник проснулся. – Полдвери оторвало... осколком, что ли.

В самом деле: от фанерной двери осталась только половинка, оттого и светло так в землянке.

– А ты не робей! – говорит Буранов. – Это ведь так, случайно. Шальной снаряд.

– Да я ничего, – телефонист силится улыбнуться. – Мне – что! В меня не попало. – И он уже улыбается, ему кажется, что он вовсе и не испугался, только вздрогнул от неожиданности.

– А адъютант жив ли? Закутал голову в шинель – и не поймешь.

– Живехонек! Спать здоров: как ударило, он проворчал что-то да на другой бок перевернулся.

– А связь цела?

– Связь не нарушило.

– Ну, так все в порядке. Не велика потеря – полдверки... Постой, постой! – спохватился вдруг Буранов. – Никак уже день? Сколько же я спал-то?

– Часика три, не боле, – несколько смущенно отвечал телефонист, поглядев на часы Буранова, которые лежали все там же, возле аппарата, и тикали как ни в чем не бывало, хоть и подпрыгнули на столике, когда вся землянка вздрогнула от удара взрывной волны.

– Три часа! – воскликнул Буранов. – Что ж это такое? Почему ты меня не разбудил, как я приказывал, через полчаса? Проспал?

– Что вы, товарищ полковник! – обиделся телефонист. – Как можно? Мыслимое ли дело – у аппарата спать? Я бы вас разбудил точно, как приказывали, да только ваше приказание, – он лукаво улыбнулся, – тоже отменили.

– Как отменили? Кто мог отменить мое приказание?

– Генерал отменил.

– Какой генерал?

– Известно, какой! Наш, Литовцев. Только вы задремали, генерал сюда заглядывает. «Кто тут отдыхает?» – спрашивает. Я доложил. А он поглядел па вас и говорит: «Поднять полковника Буранова в восемь ноль-ноль, ни минутой раньше!»

Телефонист опять посмотрел на часы.

– Сейчас еще только семь тридцать. Стало быть, еще полчаса отдыхать вам полагается. В восемь тридцать – совещание у генерала. Приказано вам быть. А пока, товарищ полковник, отдыхайте.

– Ишь ты! – рассмеялся Буранов. – Нет, я уже выспался. Хватит. Давай сюда часы. Где тут можно умыться?

– Вороночка тут, в двух шагах от землянки. Из двери – налево. Вода – как хрусталь.

– Отлично. Пойду умоюсь. А адъютанта пока не тревожь.

До воронки оказалось не два шага, а метров пятьдесят. Воронка была прошлогодняя, вода в ней прекрасно отстоялась. Видно было поросшее водорослями дно, и в то же время в воде отражалось голубое небо и бегущие по нему белые облака.

– Давненько не смотрелся в такое большое зеркало! Не моему карманному чета, – усмехнулся Буранов и с любопытством стал разглядывать свое отражение. Лицо было изъедено комарами и перемазано кровью. Щеки и нос сильно загорели, хотя солнечных дней было как будто немного, а волосы посветлели. «Выгорели на солнце», – подумал он, но тут же сообразил, что выгореть волосы не могли, так как всегда были покрыты фуражкой, – вон даже и лоб под козырьком остался белый, не загорел. Очевидно, волосы начинали седеть. Это открытие нисколько не огорчило. «Жена не разлюбит, – улыбнулся Буранов. – Вот если бы я облысел – другое дело. Лысые Маше не нравятся».

Он вспомнил, как Мария Николаевна, шутя, говорила, что примет его без руки и без ноги, без глаз, но только не без волос.

Буранов снял гимнастерку, засучил рукава рубашки, достал из кармана мыльницу и с наслаждением стал умываться чистой прохладной водой. Мыльная пена почти моментально исчезла в ней бесследно, – казалось, то была какая-то чудесная вода, замутить которую невозможно.

Вдруг за спиной его раздался знакомый хриловатый голос:

– Обождите чуток, товарищ полковник! Сейчас я полью.

– Опоздал! – засмеялся Буранов. – Опоздал, Кузьма Петрович! Я, брат, тебя перехитрил.

– Так погодите, я хоть полотенце подам. Кто ж платком утирается? Непорядок. – Широкое добродушное лицо солдата выражало такое огорчение, что Буранов расхохотался.

– Полотенце давай, – согласился он, пряча в карман мокрый платок.

Ординарец, осторожно поставив на траву принесенные котелки, достал из своей походной сумки чистое полотенце.

– Завтрак готов, – сказал он. – Суп и каша.

– А я думал, бифштекс и яичница, – пошутил Буранов, с удовольствием вытирая лицо и руки полотенцем. – Как же ты меня нашел, Кузьма?

– Как не найти-то? Чай, вы не иголка! Где будете кушать? В землянку нести?

– Зачем в землянку? Ставь вот сюда, на кочку. А адъютанту принес завтрак?

- Так точно. А они где?
- Как же ты нес ему завтрак, не зная, где он?
- Где ж ему быть, как не при вас? Куда иголка, туда и нитка.
- Это же форменная диалектика! – засмеялся Буранов. – То я не иголка, то я иголка.

Замечательно!

- Солдатская находчивость, – самодовольно сказал Кузьма. – Солдат все найти должен.

Он разостлал на зеленой кочке салфетку, положил аккуратно нарезанный хлеб и даже маленькую солоночку поставил.

- Культурно! – улыбнулся Буранов.

- А то как же? – убежденно отвечал солдат. – Ленинград – центр культуры.

Буранов с аппетитом принялся за еду, а Кузьма смотрел на него с таким удовольствием, словно сам ел. Пока полковник завтракал, Кузьма сообщил, что им, то есть командиру, адъютанту и ординарцу, отвели очень приличную земляночку, и он там все уже устроил, как полагается.

- Так ты, небось, всю ночь не спал? – спросил Буранов.

- Какая же теперь ночь-то, товарищ полковник? Короче воробьиного носа.

– Ладно. Значит, так: ступай теперь в нашу землянку и ложись отдыхать. Понадобись ты не скоро. Сейчас я буду на совещании в штабе, потом пойду на эн-пе. В общем до обеда ты свободен.

- Так у меня ж делов по горло. Спать мне недосуг.

– Что за пререкания? Приказано отдыхать – и отдыхай. Адъютанту завтрак снеси вон в ту землянку, у которой половина двери. Если он еще не проснулся, не буди. А мне туда идти больше незачем. Пойду в штаб.

Они разошлись в разные стороны, очень довольные друг другом. Полковник думал, какой хороший у него ординарец, только уж чересчур заботливый и немножко упрямый. А солдат думал, какой хороший у него начальник, только больно беззаботный и непослушный.

Адъютанта Кузьма все же разбудил, решив, что нехорошо будет, коль завтрак совсем простынет: еду он почитал важнее сна.

Лейтенант вскочил, сбегал умыться к той же воронке, мигом позавтракал и помчался в штаб, спеша оправдать философскую сентенцию Кузьмы: куда иголка, туда и нитка...

* * *

Люди, ночью прибывшие на новый рубеж, не могли рассмотреть лежащую перед ними местность. Ночь была безлунная, темная. Ракеты, которые пускали немцы, делали ее фантастической. Взлетала ввысь ракета, и из мрака появлялся странный мир, зеленовато-голубой или мертвенно бледный, мерцающий, словно шевелящийся. Он существовал всего несколько секунд и пропадал. В этом призрачном мире все было непохоже на себя: предметы изменялись в зависимости от того, где была пущена ракета и как высоко она поднималась. Гребень главной высоты то уходил куда-то вдаль и таял, исчезая в дымке, то надвигался темным резким силуэтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.